

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

А.Т. Юнусов

ПЕРВАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК НАУКА: ТЕОРИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ АРИСТОТЕЛЯ ВО «ВТОРОЙ АНАЛИТИКЕ» И В IV КНИГЕ «МЕТАФИЗИКИ»*

Юнусов Артем Тимурович – аспирант кафедры истории зарубежной философии. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: forty-two@mail.ru

В статье производится сравнение общей теории научного знания (ἐπιστήμη) Аристотеля, как она изложена во «Второй аналитике», с теорией науки «первой философии», представленной в IV книге «Метафизики». При этом указанные две теории сопоставляются путем сравнения их локальных черт, не исходя из заранее принятого общего представления об их соотношении. Автор проводит сравнение по следующим пунктам: особенности предмета научного рассмотрения, особенности исследуемых свойств, отношение к «первым началам» науки, вопрос о доказательности науки в целом. Вопреки распространенному в научной литературе представлению, делается вывод о том, что проект «первой философии», данный в IV книге «Метафизики», подразумевает построение, пусть и существенно отличной от «частных» наук «Второй аналитики», но все же именно доказательной науки, главной целью которой оказывается доказательная характеристика любых существующих вещей с точки зрения их наиболее общих свойств на основе определений этих присущих всем существующим вещам свойств.

Ключевые слова: Аристотель, античная философия, философия науки, Γ «Метафизики», «Вторая аналитика», доказательство, первая философия, первые начала

Традиционная точка зрения на тематическую структуру «Метафизики» Аристотеля предполагает, что это произведение является совокупностью трактатов по первой философии¹. По существу это, разумеется, правильный тезис, однако он требует определенного уточнения относительно того, как именно следует понимать предлог «по» в сочетании «по первой философии». В общем случае мы склонны представлять себе значение этого предлога по аналогии со словосочетаниями «лекции по физике» или «трактат по биологии» –

* Статья подготовлена при поддержке РФНФ, грант № 15–03–00864. Проект: «Четвертая книга “Метафизики” (“Гамма”): ее истоки, содержание, истолкование в греческой и латинской философской традиции».

¹ Факт наличия «вставных», явно выбивающихся из общей «метафизической» тематики книг (α, Δ, главы 9–12 книги К) не искажает тематическое единство текста в целом.

т. е. в том смысле, что в этом тексте непосредственно исследуются проблемы в рамках названной научной области. Так, в нашем случае трактат является трактатом по метафизике, поскольку он представляет собой метафизическое исследование «сущего поскольку оно сущее» (Met. 1003а 21), т. е. является *научным* трудом, выполненным в рамках определенной *научной* (в понимании Аристотеля) области.

В случае большинства трактатов «Метафизики» это понимание вполне оправданно. Однако есть группа книг, к которым оно неприменимо, при том, что эти книги являются именно трактатами «по первой философии». Речь идет, прежде всего, о первых книгах «Метафизики» – *А*, *В*, отчасти *Е* и особенно *Г*. В них мы видим не «практируемую» метафизику, не работу «в рамках» первой философии, но предварительную работу по обоснованию возможности этой дисциплины и выяснению того, как она вообще должна выглядеть. Тематический характер книг *А*, *В* и *Е* не так легко отразить в краткой формулировке, однако суть книги *Г*, которая, прежде всего, и будет интересовать нас в настоящей статье, можно указать вполне четко: это не *научный*, а *эпистемологический* трактат, т. е. трактат, посвященный *теории* науки, а не научной *практике*; иными словами – трактат *по философии науки*.

В таком качестве его уместно сравнить с другим эпистемологическим трудом Аристотеля – «Второй аналитикой». Подобные сравнения встречаются в исследовательской литературе², однако мне не известны исследования, где теории научного знания «Второй аналитики» и книги *Г* «Метафизики» подверглись бы последовательному и подробному сравнению. Задачей настоящей статьи и будет поиск основных *локальных* черт, отличающих теорию науки *Г* «Метафизики» от «Второй аналитики». Иными словами, осмысление доктринальных отличий двух трактатов в вопросе о построении научного знания, исходя не из некой заранее принятой глобальной и универсальной гипотезы об их соотношении³, а из сравнения отдельных черт, которые приписываются научному знанию в случае одного и другого трактата.

Стоит заранее сделать оговорку, что в рамках данной статьи не предполагается подробного изложения теории научного знания, которую Аристотель предлагает во «Второй аналитике». Мы ограничимся описанием отдельных черт этой теории, которые представляются, во-первых, достаточно очевидными и засвидетельствованными в тексте, а во-вторых, релевантными при обсуждении именно теории научного знания *Г* «Метафизики». Мы также будем исходить из предположения о том, что «Вторая аналитика» является более ранним произведением, чем *Г* «Метафизики» или, вернее, что теория научного знания первого трактата предшествует теории научного знания второго. Этот момент, как представляется, не нуждается в отдельном обосновании: достаточно заметить, что тесно связанная с *Г* книга *В* при постановке своих «апорий» явно исходит из учения «Второй аналитики», которое Аристотель считает уже установленным, и что практически во всех случаях обсуждаемые черты теории научного знания *Г* являются модификацией соответствующих черт теории «Второй аналитики».

² Ross W.D. Aristotle's Metaphysics. A revised text with introduction and commentary. Vol. I. Oxf., 1975. P. 251–253; Owen G.E.L. Logic and Metaphysics in Some Earlier Works of Aristotle // Aristotle and Plato in the Mid-Fourth Century. Göteborg; Stockholm; Uppsala, 1960. P. 160–190; Ferejohn M.T. Aristotle on Focal Meaning and the Unity of Science // Phronesis. 1980. No. 2(25). P. 117–128; Bell I. Demonstration in Aristotle's "Metaphysics" // Apeiron. 1999. No. 2(32). P. 75–108.

³ Пожалуй, самый яркий пример такого рода исследования – статья Гвилима Оуэна «Logic and Metaphysics in Some Earlier Works of Aristotle».

Пункты сравнения, на основании которых здесь будут сравниваться теории научного знания двух трактатов Аристотеля, в целом совпадают со списком того, что «есть во всякой науке», который сам Аристотель дает в 7 и 10 главах I книги «Второй аналитики» (75a 39 – b 2; 76b 11–22), а также воспроизводит в ходе апорематического обсуждения возможности первой философии как науки в В «Метафизики» (997a 18–21) – причина этого заключается в том, что именно этот список позволяет достаточно кратко, но в то же время практически исчерпывающим образом охарактеризовать устройство научного знания у Аристотеля. Этот список включает в себя 1) то, о чем ведется доказательство – т. е. субъект, или предмет доказательства, 2) то, что доказывается – т. е. атрибут, принадлежность которого субъекту и доказывается в ходе доказательства и 3) то, на основании чего ведется доказательство, т. е. аксиомы, или «общие начала» доказательства. Исходя из этого деления, первая часть данной статьи будет посвящена рассмотрению того, что выступает предметами, подлежащими рассмотрению в случае «частной» науки⁴ и в случае метафизики; в рамках второй части будут рассмотрены отличия между двумя вариантами научного знания в том, что касается предикатов, которые они должны исследовать; наконец, третья часть будет посвящена началам научного знания (всем, а не только аксиомам), как они выступают в случае той и другой модели науки. Наконец, в заключении я рассмотрю вопрос о «доказательности» рассматриваемой в Г «Метафизики» модели науки в целом.

Субъект научного знания

Доктрину «Второй аналитики» по вопросу «того, о чем» ведется рассмотрение в случае частных наук и в случае первой философии, изложить не так трудно. Согласно этому трактату, всякая частная наука доказывает определенные субстанциальные свойства (*καθ' αὐτὰ πάθη*) о *некоем одном роде сущего* (ΑΡο. I. 28. 87a 38). Таким образом, тем «о чем» ведется доказательство, является определенный род предметов – числа для арифметики, пространственные величины для геометрии (I. 10. 76b 3–5), вероятно, живые существа для биологии и т. д. Аристотель не придерживается в данном случае какого-то одного точного способа выражения в этом отношении и в разных фрагментах говорит, что тем, что подлежит научному знанию (т. е. субъектом доказательства) является или род вообще (число) (76b 16–19), или виды этого рода (все числа) (76b 12–13), или даже индивиды этого рода (конкретные числа) (76a 42 – b 2). Впрочем, это не является существенной трудностью при интерпретации данной доктрины⁵, и в целом почти не вызывает сомнений, что субъектами доказательства в первую очередь являются некие первичные термины, из которых складывается род, т. е. то, что с некоторой условностью можно назвать всеми видами данного рода⁶. В идеальном случае субъектами всех доказательств в нашей частной науке будут все виды, из которых состо-

⁴ Таким образом в настоящей статье будет обозначена та модель науки, которую описывает теория «Второй Аналитики».

⁵ См.: *McKirahan R.D.* Principles and Proofs: Aristotle's Theory of Demonstrative Science. Princeton, 1992. P. 57–60.

⁶ С условностью – поскольку идеального деления на «порфириево древо» в рамках изучаемого наукой рода у Аристотеля – если мы руководствуемся его собственными примерами – не получается. Так, например, «субъектами» доказательства для геометрии будут такие разные предметы, как точки, линии (76b 5) и треугольники (76a 35); при этом, по Аристотелю, первые каким-то образом являются основой для вторых, а вторые для треть-

ит род – от низших и непосредственно распадающихся на индивиды до высшей родовой природы, дающей название для всего рода в целом. Примером (которым сам Аристотель, впрочем, не спешит пользоваться) могло бы служить биологическое знание⁷: его субъектами будут все термины классификации, на которые Аристотель разделяет род животных на каждом шаге: «животное»; «рыба», «птица», «живородящее четвероногое» и т. д. вплоть до, например, «быка» и «человека»⁸. Помимо всего прочего такое определение «субъекта» научного знания позволяет Аристотелю указать границы каждой конкретной частной науки в отличие от прочих: арифметика, например, отличается от грамматики или физики тем, что родом предметов, которые она изучает, являются числа, а не звуки или движущиеся тела.

Что же меняется в этой картине, когда мы переходим к «тому, о чем» знания первой философии?

Подобно тому, как арифметика изучает числа, или, как мог бы сказать Аристотель, число поскольку оно есть число (*ἀριθμὸς ἢ ἀριθμός*, ср. I. 4. 73b 25–32; Met. Γ. 2. 1004b 5–6), первая философия изучает сущее поскольку оно есть сущее (*τὸ ὄν ἢ ὄν*) (Γ. 1. 1003a 21). В чем заключается отличие такого предмета научного знания от предметов знаний частных наук?

Первое отличие, которое привлекает внимание сразу же при попытке такого сравнения, заключается в том, что «сущее», в отличие от указанных во «Второй аналитике» «субъектов» научного знания, не является родом⁹. Если это так, то перед нами встает два вопроса: а) почему «сущее» не является родом и б) какие следствия это влечет для него как для предмета научного знания?

а) Исчерпывающе ответить на первый вопрос чрезвычайно сложно. Ответ самого Аристотеля дается в книге В «Метафизики»: сущее, а также единое, *τὸ ἓν* нельзя считать родами, поскольку они сказываются о видовых отличиях, что не характерно для родов (2. 998b 22–27). Однако учитывая, что это объяснение Аристотель предлагает в рамках предварительного, апоретического обсуждения проблемы, а также факт сложности и противоречивости доктрины видового отличия в философии Аристотеля¹⁰, едва ли

их (I. 4. 73a 34–37), однако все эти термины, кажется, не находятся в родо-видовом отношении ни друг с другом, ни с (предположительно) родовым для них понятием пространственной величины (*μέγεθος*) (I. 10. 76a 3 6).

⁷ См.: *Lennox J.G.* Divide and Explain: The Posterior Analytics in Practice // *Philosophical Issues in Aristotle's Biology*. Camb., 1987. P. 100–119; *Idem.* Putting Philosophy of Science to the Test: The Case of Aristotle's Biology // *PSA: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association*. 1994. No. 1. P. 239–247.

⁸ Стоит обратить внимание, что большое количество терминов (а именно – все термины, кроме обозначающих низшие виды) в этом случае будет являться не только субъектами доказательства, но также смогут выступать и в роли средних терминов и даже предикатов доказательства. Судя по всему, Аристотель действительно предвидит такую возможность – именно в этом ключе можно интерпретировать его замечание о том, что существование треугольника, в отличие от существования, например, точки, геометр должен доказать, при том, что треугольник недвусмысленно назван в числе субъектов доказательства (I. 10. 76a 34–36).

⁹ Следует заранее оговорить, что утверждение о том, что сущее не является родом, не высказывается прямо в Γ «Метафизики» и, более того, в рамках самого этого трактата есть определенные места, которые при определенном желании можно было бы даже интерпретировать как свидетельство против этого тезиса (2. 1003b 21–22; 1004a 4–5). Однако положение о том, что сущее не является родом, все же является абсолютно стандартным для теории научного знания «Метафизики»: оно вводится еще при разборе апорий в книге В (2. 998b 22), глубокая связь которой с Γ очевидна, и затем неоднократно повторяется в последующих книгах (H. 6. 1045b 6; I. 2. 1053b 22).

¹⁰ См.: *Akrill J.L.* Aristotle's Categories and De interpretation. Oxf., 1963. P. 85–87.

мы можем считать это объяснение окончательным¹¹. Гораздо более правдоподобным представляется объяснение, связанное с принципиальным отказом Аристотеля считать «сущее» чем-то едиными и одинаковым для всех категорий реальности. Этот отказ встречается и в других текстах Аристотеля (см., напр., *EE*. I. 7. 1217b 25–36), однако мы можем найти вполне ясное свидетельство той же позиции и непосредственно в *Г* «Метафизики»: именно следствием нежелания признать «сущее» чем-то единым в случае всех категорий является центральное для этой книги учение о том, что термин «сущее» – подобно термину «врачебное» или «здоровое» – высказывается не в одном смысле (*καθ' ἑν*) (2. 1004a 24), а «в различных значениях, но при этом всегда в отношении к чему-то одному» (*πολλαχῶς ἀλλὰ πρὸς ἓν* – 1003a 33–34). В самом деле, это утверждение эквивалентно утверждению о том, что сущее высказывается о предметах не как род (поскольку *καθ' ἑν* – это способ высказывания именно рода, ср. *Δ*. 18. 1022a 14–16), т. е. не «синонимически». Отказ признать унивокальность термина «сущее» в свою очередь также требует объяснения, и, как правило, его связывают с критикой платонической позиции по этому вопросу. Например, влиятельная интерпретация Гвилима Оуэна¹² гласит, что этот отказ связан с первоначальным отрицанием Аристотелем возможности существования единой универсальной науки о сущем, которой, согласно ее описанию в «Государстве» (510b – 511e), является платоновская диалектика. Согласно Оуэну, в свете своей собственной теории научного знания, предполагавшей разделение наук согласно родам сущего, Аристотель отказывался признать «господствующую» науку о сущем вообще; однако позднее он поменял свою точку зрения по этому вопросу, решив, что такая науки возможна, если о сущем во всех случаях говорится *πρὸς ἓν*. Стоит признать, что данное объяснение является не слишком удачным. В самом деле, оно предполагает, что отказ признавать унивокальность «сущего» связан исключительно с нежеланием соглашаться с тезисом о возможности универсальной науки о сущем как таковом, но вместе с тем гласит, что Аристотель позже все же оказался готов признать возможность такой науки. Однако очевидно, что если он в итоге согласился с возможностью существования такой науки, то ничто не мешало ему согласиться и с тезисом о том, что сущее является родом; он, однако, продолжал отстаивать противоположную точку зрения. Вполне возможно, что описанный Оуэном путь интеллектуального развития Аристотеля – от отрицания возможности науки о сущем как таковом к ее постепенному признанию – соответствует действительности, однако за аристотелевским отрицанием унивокальности «сущего» – которое в этом развитии оказывается константной – должно стоять нечто большее (что именно, к сожалению, к настоящему моменту из имеющихся исследований не вполне ясно).

б) Для наших целей куда более важным является вопрос не о причинах отказа Аристотеля считать сущее родом, а о следствиях такой позиции. Главное из них уже было упомянуто выше – это тезис Аристотеля о том, что термин «сущее» в различных случаях высказывается «во многих значениях», однако не омонимически, а «*πρὸς ἓν*», т. е. всегда отсылая в своем значении к чему-то одному и тому же, пусть и всякий раз различным образом. Тем

¹¹ Впрочем, подробному обсуждению и истолкованию именно этого довода как истинной причины того, что сущее не может быть родом, в современном аристотелеведении посвящено множество блестящих исследований – см. хороший обзор в: *Berti E. Multiplicity and Unity of Being in Aristotle // Proceedings of the Aristotelian Society. 2001. No. 2(101). P. 191, n. 16.*

¹² *Owen G.E.L. The Platonism of Aristotle // Articles on Aristotle. Vol. I. L., 1975. P. 14–34.*

«первым одним» (πρῶτον ἓν) (Г. 2. 1004а 2б), к которому отсылает в своем употреблении термин «сущее», Аристотель считает сущность – это эквивалентно стандартному для Аристотеля утверждению, что существованием в собственном смысле обладают только сущности, а все прочее существует лишь в той мере, в какой оно находится в какой-либо связи с ними. Для картины науки «первой философии» это означает, что прежде чем рассматривать определенное «сущее», метафизик должен будет установить, в скольких именно смыслах говорится об этом сущем и какой именно смысл имеется в виду в интересующем его случае¹³. Это означает, что к любому научному рассуждению добавляется дополнительный шаг: предположительно, при рассмотрении любого предмета практикующий первую философию в первую очередь будет обязан указать на то, в какой связи этот предмет находится к определенной «сущности».

Впрочем, даже если бы мы были готовы вслед за такими замечаниями Аристотеля, как в 1003b 21–22, усомниться в том, что сущее не является родом, и объявить его таковым, у этого термина все же останутся кардинальные отличия от любых других родов, изучаемых частными науками. Дело в том, что всякий род частной науки состоит из *ограниченного множества* «субъектов» рода, что позволяет, с одной стороны, очертить границы этой науки, отделив изучаемые в ней вещи от всего прочего, а с другой, придать ей внутреннюю упорядоченность и определенность, установив внутреннюю связь и отношения между этими вещами (а также их сущностными свойствами, о которых речь пойдет ниже). Тогда как «субъектом» знания первой философии будет, в зависимости от того, как именно мы его определим, либо только лишь *один-единственный термин* – собственно, «сущее» – либо *абсолютно все множество существующих вещей*. То есть, в случае, например, биологического знания, мы отдельно изучаем такие субъекты научного знания, как «человек», «бык», «птица», «живородящее четвероногое», предполагая, что у каждого из них есть свои сущностные свойства, которых нет у других (хотя в то же время есть и определенный набор свойств, общих всем или некоторым из них). В случае же первой философии мы либо изучаем только один-единственный, и к тому же самый универсальный из всех возможных терминов – термин «сущее» (при этом о его сущностных свойствах не так много можно высказать, хотя определенные замечания о них возможны), либо изучаем все мыслимые термины (все, что можно называть существующим) без исключения.

Таким образом, «субъектом» научного знания первой философии, в отличие от частных наук, в которых таким субъектом выступает четко определенный и отграниченный от всех прочих род сущего, является либо один термин, либо вся совокупность существующих вещей (и в том числе видов вещей) вообще.

¹³ В тексте Г «Метафизики» (2. 1004а 28–30) Аристотель, строго говоря, предписывает произведение этой операции не над «субъектом» доказательства, а над теми терминами, принадлежность которых «субъекту» доказывается, т. е. над субстанциальными свойствами «субъекта» (о них – см. следующий раздел данной статьи). Однако, судя по замечаниям Аристотеля (1004а 22–23), эти термины полностью зависимы от «субъекта», которому они принадлежат, и, таким образом, значение, в котором они относятся к сущему, полностью определяется значением, в котором к сущему относится их «субъект».

Субстанциальные свойства

При рассмотрении вопроса о «субъекте» научного знания здесь уже частично затрагивалась тема «субстанциальных свойств» (καθ' αὐτὰ λάθη), при-сущность которых «субъекту» и должна рассматривать наука. Остановимся на них подробнее.

Начнем снова со свидетельств «Второй аналитики». Как было указано выше, в частных науках рассмотрению подвергаются определенные «первичные предметы» рода, выступающие в роли последних «субъектов» (т. е. подлежащих) в пропозициях, которые доказывает наука: всякая частная наука доказывает нечто *о них*. Самый простой способ указать на роль субстанциальных свойств в таком случае – это сказать, что они являются предикатами (т. е. сказуемыми) научных пропозиций: всякая наука доказывает *их*, т. е. их присущность упомянутым «субъектам» рода (АПо. I. 7. 75a 40–b2). Важным моментом является тот факт, что они в каком-то смысле также принадлежат к тому роду, о котором ведется доказательство (28. 87a 38–39). Однако их принадлежность к этому роду, судя по всему, отлична от принадлежности «субъектов» рода¹⁴ – они принадлежат к нему как сущностные качества этих «субъектов», а не как члены, составляющие собой некую «основу» этого рода; сама необходимость для них принадлежать к тому же роду, что и «субъекты» доказательства, обусловлена требованием Аристотеля, чтобы всякая пропозиция, доказываемая в рамках науки, выражала собой сущностное, субстанциальное отношение между субъектом и предикатом этой пропозиции (6. 74b 5–11), что, согласно Аристотелю, возможно только в случае, если субъект и предикат принадлежат к одному и тому же роду (7. 75b 10–12). Классическим примером субстанциального свойства для треугольника является «иметь сумму внутренних углов равной двум прямым углам» (4. 73b 34–37); в области биологии примерами таких свойств будут являться «сбрасывать листья <зимой>» для «широколиственных растений» (II. 16. 98a 35 – b 10) и «иметь сычуг» для «рогатых животных» (98a 17–19).

Если мы перейдем теперь к первой философии, как она описывается в Г «Метафизики», то, прежде всего, заметим, что она, согласно Аристотелю, так же, как и частные науки, занимается *рассмотрением «субстанциальных свойств»* – свойств сущего поскольку оно есть сущее (1. 1003a 21–22)¹⁵. В некоторых местах эти же самые свойства также названы «вида-

¹⁴ Вопрос о точном характере соотношения таких категорий как «субстанциальное свойство» и «<производный (т. е. не являющийся неделимым низшим видом)> субъект рода» достаточно сложен: с одной стороны, Аристотель в некоторых фрагментах, говоря о «субстанциальных свойствах», уточняет, что они не входят в сущность (Met. Δ. 30. 1025a 30–32), что подразумевает невозможность фигурировать в качестве καθ' αὐτὰ λάθη каких-либо родов, составляющих часть порфириево дерева (поскольку любой такой вид входит в определение и, значит, в сущность низлежащих видов); с другой – никаких технических препятствий для такого отождествления нет, как нет и четкого прямого запрета на это Аристотеля: более того, как было указано в примечании 8, определенные замечания Аристотеля можно интерпретировать в том смысле, что все виды родо-видового дерева, помимо самых низших, должны быть доказаны, и, таким образом, соответствующие им термины должны выступать в роли «субстанциальных свойств».

¹⁵ В различных местах Г «Метафизики» Аристотель обозначает эти свойства как ὑπάρχοντα καθ' αὐτό (1. 1003a 22) или ὑπάρχοντα αὐτῷ ἢ ὄν (2. 1005b 14), καθ' αὐτὰ λάθη (1004b 5–6), ἴδια λάθη (1004b 11–15), τὰ συμβεβηκότα (1003a 25; 1004b 8); однако несмотря на такой диапазон формулировок, не вызывает сомнения, что во всех случаях речь идет об одном и том же предмете – во «Второй аналитике» Аристотель использует для обозначения субстанциальных свойств примерно тот же самый набор терминов.

ми» (εἶδη) «сущего» и «одного» (2. 1003b 21–22, 34–35); однако учитывая крайне широкий диапазон значений термина εἶδος (Index Aristotelicus, 217b 58 – 219a 59) (который, в частности, может употребляться почти столь же нейтрально как ὄρος, «термин»), это вполне объяснимо. Аристотель дает в рамках *Г* «Метафизики» довольно обширный список этих свойств, которые должна «рассматривать» первая философия: тождественное и иное, подобное и неподобное, предшествующее и последующее, целое и часть, род и вид, противоположное, противолежащее, совершенное, а также, вероятно, отрицание и лишенность. Это крайне интересный список, причем по нескольким причинам.

Во-первых, интересен сам факт того, что Аристотель дает такой обширный, чуть ли не исчерпывающий перечень «субстанциальных свойств» сущего как такового, которыми должна заниматься метафизика. Ничего подобного в случае другой науки представить себе нельзя: суть научного познания частных наук отчасти и заключается в том, чтобы *отыскивать* «субстанциальные свойства» «субъектов» рода (AnPr. I. 30. 46a 17–27)¹⁶; Аристотель время от времени приводит примеры «субстанциальных свойств» частных наук во «Второй аналитике», однако на две книги этого трактата примеров этих свойств приходится едва ли не меньше, чем на одну вторую главу *Г* «Метафизики». Обширный список тех свойств, которые мы должны каким-то образом приписывать тому, что подлежит исследованию в нашей науке, выделен для нас заранее вместо того, чтобы быть предметом поиска.

Во-вторых, обращает на себя внимание универсальность охвата этих свойств. Если у всякого «субъекта» частной науки в числе прочих могли быть свои уникальные «субстанциальные свойства» (и множество этих «субъектов» отличались друг от друга по набору этих свойств), то перечисленными свойствами в одинаковом объеме обладает любое «сущее поскольку оно есть сущее»: что угодно может быть тождественным с чем-то одним и быть иным по отношению к другому, быть частью чего-то, иметь какой-либо род, вид и т. д. Конкретные приложения этих свойств будут отличаться от одной вещи к другой (треугольники будут подобны треугольникам, медные вещи – медным вещам), однако сам набор свойств, подлежащих рассмотрению, останется в основном неизменным. Среди указанного Аристотелем списка свойств есть и такие, которые могут сказываться не о всяком сущем: например, не у всего можно выделить части (Phys. VI. 1. 231a 25–27) или противоположности (Cat. 4. 3b 24–25). Однако общий принцип все так же состоит в том, что мы имеем здесь дело со списком свойств, принципиально общих для множества вещей, т. е. никак не характеризующих их с уникальной, присущей только им стороны – и в этом основное отличие этих «субстанциальных свойств» от свойств, изучаемых частными науками.

Единственные уникальные свойства, которые попадают в поле рассмотрения метафизики – это «субстанциальные свойства» этих «субстанциальных свойств», поскольку Аристотель говорит о том, что наука о сущем будет изучать и их (Met. Г. 2. 1004b 5–8) (см. пример ниже). В этом наука о сущем похожа на частные науки, которые практикуют такой же тип рассмотрения для свойств своего рода. Однако в остальном их описание получается практически зеркальным: частные науки изучают уникальные свойства четко ограниченных предметов определенного рода, тогда как метафизика изучает общие для всех свойства безграничного количества предметов любых родов.

¹⁶ Впрочем, нельзя не признать, что самому процессу этого отыскания в «Аналитиках» внимания практически не уделяется.

Начала науки

Последним наиболее важным элементом теории научного знания «Второй аналитики» является доктрина начал доказательства, или «первых начал» (πρῶται ἀρχαί). Однако ее обсуждение сопряжено сразу с целым рядом проблем, о которых необходимо упомянуть.

Прежде всего, учение о началах воспроизводится на протяжении «Второй аналитики» неоднократно¹⁷ и каждый раз это делается с вариациями, очень сильно затрудняющими сведение множества описаний начал к непротиворечивой картине. В исследовательской литературе существуют разные точки зрения на вопрос не только о сущности, но даже о количестве того, что мы должны считать «первыми началами» в философии науки Аристотеля¹⁸. К сожалению, в настоящей статье нет места для того, чтобы подробнее рассмотреть этот достойный внимания вопрос, поэтому ограничимся несколько упрощенным описанием сущности начал научного знания.

Согласно такому «усредненному» описанию, сглаживающему определенные проблемные углы, можно выделить три типа начал доказательства в тексте «Второй аналитики»: гипотезы, определения и аксиомы, или «общие начала». Гипотезы представляют собой утверждения о существовании базовых «субъектов» рода (I. 10. 76a 31–36). Определения приписывают значение (τί σημαίνει) или суть (τί ἐστίν)¹⁹ всем используемым в ходе доказательства терминам (76a 31–33). Наконец, аксиомы – это «общие начала» доказательства, некие универсальные положения, которые, в отличие от всех прочих элементов доказательства, приложимы более, чем к одному роду научного знания (76a 39–41): Аристотель иллюстрирует этот род начал принципами противоречия и исключенного третьего, а также одним из постулатов Евклида: «если от равных количеств отнять равные количества, то останутся равные количества» (I. 77a 10, 30–31).

Определения, предположительно, должны играть роль средних терминов силлогизма, на основании которых ведется доказательство того, что некоторое субстанциальное свойство присуще некоторому «субъекту» рода. Значимость гипотез, вероятно, связана со значимостью определений: мы можем знать определение вещи, только зная, существует ли эти вещи (II. 7. 92b 4–8): таким образом, для того, чтобы имелись необходимые для ведения доказательства средние термины (т. е. определения), мы должны предварительно удостовериться в существовании вещей, определения которых мы собираемся использовать. Наконец, роль аксиом, судя по всему, регулятивна: они, как правило, не используются в качестве посылок доказательства (I. 11. 77a 10–12) и, вероятно, служат просто общими законами мысли, которые ограничивают собой ход любого доказательства. Общим для всех видов начал является их недоказуемость (10. 76a 31–32).

¹⁷ Наиболее важные в этом смысле места – I. 1. 71a 11–17; b 20–22; 2. 72a 14–24; 10. 76a 31 – b 1; 76b 35 – 77a 4; 32. 88b 27–29.

¹⁸ См.: *Hintikka J.* On the ingredients of an aristotelian science // *Nous*. 1972. No. 1. P. 55–69; *Ferejohn M.T.* The origins of Aristotelian science. Yale, 1991. P. 15–65; *McKirahan R.D.* Principles and Proofs: Aristotle's Theory of Demonstrative Science. P. 80–125; *Harari O.* Knowledge and demonstration: Aristotle's Posterior Analytics. Dordrecht, 2004. P. 13–59; *Орлов Е.В.* Философский язык Аристотеля. Новосибирск, 2011. С. 290–299.

¹⁹ Стоит ли понимать определения как приписывающие значение или суть вещи – это один из важнейших вопросов для понимания начал доказательства, однако в силу того, что сам Аристотель склонен жестко отделять значение от сути в принципе (APo. II. 7. 92b 4–8), но практически смешивать их при разговоре именно о началах (I. 1. 71a 12–17; 10. 76a 32–36; 76b 5–11), он является слишком сложным для того, чтобы осветить его в рамках данной статьи.

О представлении начал в Γ «Метафизики» известно немного. Только один из видов начал – а именно аксиомы – непосредственно упомянут в тексте интересующей нас книги, и, более того, его обсуждению посвящена большая ее часть. Аристотель замечает, что аксиомы наряду со субстанциальными свойствами сущего должны быть предметом рассмотрения первой философии, поскольку они принадлежат всему сущему (Met. Г. 3. 1005a 22–23) (т. е., видимо, потому что они, как и субстанциальные свойства, принадлежат сущему именно как сущему). Следует заметить, что в рамках своего обсуждения общих начал в «Метафизике» Аристотель ничуть не нарушает тех принципов, которые были установлены им во «Второй аналитике». Дело в том, что несмотря на то, что первая философия рассматривает начала, общие для всех наук, неверно утверждать, что она каким-либо образом доказывает начала других наук (что подразумевало бы, что метафизика является «господствующей наукой», делающей все прочие науки излишними). Ведь во-первых, рассмотрению подвергаются *общие* начала, тогда как описанная ситуация имела бы место, только если бы доказательству в рамках метафизики подвергались *собственные* ($\dot{\iota}\delta\iota\alpha$) начала других наук (АРо. I. 9. 76a 16–22). А во-вторых, Аристотель тщательно подчеркивает, что даже эти общие начала ни в коем случае не подвергаются в собственном смысле *доказательству* (их как начала доказать невозможно), но только обсуждаются и обосновываются с тем, чтобы опровергнуть эристические выступления против этих начал (Met. Г. 4. 1006a 5–18). Тем не менее, то, что научное знание может иметь предметом рассмотрения наряду с субстанциальными свойствами также такую категорию предметов как «аксиомы», конечно, выходит за пределы доктрины «Второй аналитики», причем, с точки зрения этой доктрины, необычным является не только факт предписывания науке такого странного предмета научного знания, но и факт объединения в рамках одной науки нескольких принципиально различных предметов знания.

Переходя к гипотезам, необходимо прежде всего отметить, что речи о об этом виде начал у Аристотеля не идет ни в Γ^{20} , ни в какой-либо другой книге «Метафизики»: самым близким к этой теме обсуждением является начало книги E , где Аристотель говорит, что частные науки не доказывают ни бытия, ни определения предметов своего рода (E. 1. 1025b 1–18). Начало всего пассажа в целом намекает на некоторое противопоставление частных наук и науки о сущем как таковом и потому есть искушение сделать вывод о том, что речь здесь идет о способности первой философии познать определения и бытие подлежащего исследованию рода для частных наук. Однако едва ли такой вывод был бы оправдан: намеченное в первых строках противопоставление никак не развивается далее ни в пределах этого пассажа, ни в его продолжении (где Аристотель переходит к разговору о физике). Более вероятно, что под «способностью рассудка», которая способна познавать как бытие, так и определения вещей, Аристотель имеет в виду то, о чем он говорит и в последней главе «Второй аналитики», обсуждая способ, которым мы познаем начала науки (АРо. II. 19).

Отсутствие свидетельств о гипотезах как о началах научного знания первой философии, пожалуй, компенсируется их практически полной ненужностью – как самих гипотез, так и вследствие этого сведений о них. Дей-

²⁰ Из двух упоминаний слова $\dot{\iota}\lambda\theta\epsilon\tau\iota\varsigma$ в Γ «Метафизики» одно достаточно туманно отсылает к практике частных наук (2. 1005a 13), а другое встречается при обсуждении «самого достоверного общего начала» и направлено на то, чтобы подчеркнуть «безусловность» этого начала (3. 1005b 17).

ствительно, речь идет о науке, изучающей именно *сущее*. В зависимости от нашего понимания «субъекта» научного познания, мы, если бы возникла необходимость введения гипотез, могли бы постулировать существование либо самого «сущего», либо множества существующих вещей. В обоих случаях это было бы не более чем тавтологией (в первом случае еще и достаточно нелепой). Таким образом, такие начала как гипотезы первой философии, вероятно, не требуются²¹.

В том, что касается определений, дело обстоит несколько сложнее. Аристотель явным образом говорит, что в задачи первой философии входит в том числе и установление *τί ἐστὶ* субстанциальных свойств «сущего» и «единого», которые она рассматривает (Met. Γ. 2. 1003b 34–35; 1004b 5–8). Выяснение *τί ἐστὶ* самих «сущего» и «единого» также, вероятно всего, находится в ее компетенции. О выяснении определений отдельных существующих предметов, которые эта наука, судя по всему, также должна подвергать рассмотрению, речи в имеющемся у нас тексте книги не идет, однако значительная часть книги Z посвящена именно вопросам, связанным с выяснением определения сущностей, которые представляют собой центральный предмет науки о сущем как таковом; есть в этой книге и главы, посвященные определению предметов других категорий сущего. С другой стороны, субстанциальные определения отдельных существующих предметов устанавливаются в результате своего исследования частные науки: поскольку определение «сути бытия» вещи дается по принципу «род + видовое отличие», а частная наука должна полностью «проработать» все члены рода, который она познает, выстроив исчерпывающее «порфириево дерево» этого рода (см. замечания Аристотеля о таком поиске определений в APo. II. 13), то она будет в состоянии (и, более того, обязана) указать в ходе исследования определения всех «субъектов» своего рода. В таком случае первой философии нет необходимости выяснять эти определения, потому что они уже должны быть получены частной наукой. Получается, что метафизика, как и частные науки, определяет свои «субстанциальные свойства» и, вероятно, также родовой «субъект», который она рассматривает, но определения отдельных существующих предметов давать ей нет необходимости, поскольку они уже должны быть ей доступны. Впрочем, вопрос о том, как именно она их получает, для нас является второстепенным по сравнению с тезисом о том, что они находятся в сфере ее компетенции и она их использует.

Доказательство

В заключение необходимо рассмотреть модели научного знания «Второй аналитики» и Γ «Метафизики» в целом и ответить на важный вопрос: подразумевает ли теория научного знания Γ «Метафизики», что наука о сущем как таковом является, подобно частным отраслям научного знания, *доказательной* наукой (*ἄποδεικτικῆ ἐπιστήμη*) или же в ее случае мы имеем дело с каким-то иным типом научного знания?

²¹ Росс считает примером гипотезы постулирование бытия закона противоречия (Ross W.D. Aristotle's Metaphysics. Vol. I. P. 252); Аристотель действительно приводит в качестве примера того, о чем нужно знать, что оно *есть* (*ὅτι ἐστὶ* – предположительно, это другая формулировка для обозначения «гипотез»), закон исключенного третьего в APo. I. 1. 71a 13, однако нигде в Γ мы не найдем ничего текстуально похожего на *постулирование* *ὅτι ἐστὶ* той или иной из рассматриваемых аксиом.

Никаких прямых утверждений Аристотеля о том, что первая философия является доказательной наукой, т. е. доказывает принадлежность (или отсутствие принадлежности) «субстанциальных свойств» «субъектам» рода науки на основании средних терминов по одной из трех фигур силлогизма (вероятнее всего, по первой²²), мы не найдем не только в пределах Г «Метафизики», но и, насколько мне известно, во всем тексте трактата вообще. Более того, Аристотель тщательно избегает говорить о том, что наука о сущем как таковым «доказывает» субстанциальные свойства сущего именно в тех местах, где, говоря о частных науках, он выбрал бы именно этот способ выражения; он последовательно использует более нейтральные глаголы для описания образа действия метафизики в отношении предметов своего исследования: она их «рассматривает» (θεωρεῖ – 1003a 21, 25; b 15, 35; 1004a 10, b 1; 1005a 3, 11, 14), «исследует» (ἐπισκέπτεται – 1004b 1), «узнает» (γινώριζει – 1004a 20, 23–4; b 7), но никогда не «доказывает» (ἀποδείκνυσι).

С другой стороны, в нашем распоряжении имеется одно важное свидетельство текста «Метафизики», которое, судя по всему, должно склонять к тому, что первая философия все же является доказывающей наукой – пятая апория книги В «Метафизики» (2. 997a 25–33). Аристотель ставит в этой атории вопрос о том, будет ли та наука, о возможности которой он собирается рассуждать, рассматривать помимо самих сущностей также их свойства (τὰ συμβεβηκότα – т. е., вне всякого сомнения, καθ' αὐτά συμβεβηκότα, наши «субстанциальные свойства»)? Если да, замечает Аристотель, то *это будет доказывающая наука*; однако в этом случае возникает дополнительная проблема: ведь доказательство сущности вещи невозможно. Вторая глава Г «Метафизики» среди прочего служит ответом именно на эту апорию: да, одна и та же наука будет рассматривать как сущность, так и ее субстанциальные свойства (1005a 13–14). Но это означает, что, согласно посылке упомянутой атории, она должна считаться именно доказывающей наукой. Возражению, которое Аристотель делает в рамках апорематического рассмотрения вопроса при формулировке этого затруднения (что о сущности доказательства быть не может), не стоит придавать слишком большое значение: действительно, сущность доказать нельзя, но в указанной науке речь идет о доказательстве вовсе не сущности, а именно «субстанциальных свойств» – что полностью снимает проблему.

Несмотря на все указанные в настоящей статье существенные отличия от научной модели частных наук, первая философия в определенной своей части подается в Г «Метафизики» как функционирующая именно в качестве доказательного знания. Без сомнения, у нее есть части, которые никак нельзя считать доказательными (сюда относится, как минимум, рассмотрение аксиом), однако в то же время существенная ее часть остается именно в рамках указанной во «Второй аналитики» теории доказательства. Однако как должны выглядеть доказательства, которые она должна давать?

Для ответа на этот вопрос суммируем все упомянутые выше черты науки о сущем как таковом, как она дается в Г «Метафизики». Итак, эта наука имеет дело с сущим и единым как таковыми и доказывает принадлежность им определенного набора заранее заданных «субстанциальных свойств». «Субъектами» такого доказательства могут быть «сущее» и «единое» в

²² Поскольку только в первой фигуре возможны универсальные заключения; однако есть исследователи, которые считают, что модель научного доказательства «Второй аналитики» вовсе не исключает возможности частных заключений (см. *Ferejohn M.T. The origins of Aristotelian science. P. 99–108*).

смысле терминов, но не только; нет никаких препятствий тому, чтобы абсолютно любая из существующих вещей подвергалась рассмотрению с точки зрения этих наиболее общих «субстанциальных свойств»; кроме того, сами эти свойства могут в свою очередь становиться «субъектами» доказательства для других свойств. Такая наука должна будет указать определения всех рассматриваемых ими «субстанциальных свойств» (а также, вероятно, использовать определения тех «субъектов», присущность которым этих свойств она рассматривает, получив эти определения от частных наук), и на основе этих определений доказать присущность или неприсущность этих свойств выбранным «субъектам» доказательства. Аристотель приводит примеры пропозиций, которыми должна будет заниматься эта наука: она должна выяснить, одно ли и то же «Сократ» и «сидящий Сократ» или доказать, что у всякой одной вещи может быть только одна противоположность (Met. Г. 2. 1004b 2–3). В терминах процедуры доказательства это означает, что эта наука должна будет доказать, 1) что «субъекту» «Сократ» присуще свойство «быть тождественным “сидящему Сократу”» (или же не быть ему тождественным, однако это менее вероятно) – на основании дефиниции «тождества»²³ 2) что «субстанциальному свойству» «противоположность», выступающему в качестве «субъекта» доказательства, присуще в свою очередь дальнейшее «субстанциальное свойство», которое можно сформулировать как, например, «быть применимым ровно к двум вещам» – на основе дефиниции «противоположности». Последний пример особенно значим для нас, поскольку, как указал в своей блестящей статье Иэн Белл²⁴, мы действительно располагаем доказательством этого положения в тексте «Метафизики» (I. 4. 1055a 3–23), и оно произведется по всем канонам «Второй аналитики», какие только возможно соблюсти.

Разумеется, сфера применимости доказательств первой философии в таком случае выходит далеко за пределы данных Аристотелем примеров. Она становится той метадисциплиной, с помощью которой Аристотель обосновывает свою наиболее базовую философскую нотацию: с ее помощью можно доказать, что нечто является родом чего-то другого, что нечто «подобно» или «отлично» от чего-то, что оно находится в отношении «предшествования» в одном из смыслов этого термина – просто на основе заранее выявленных определений указанных свойств. Она будет отличаться от частных наук прежде всего именно этим своим статусом: последние занимаются поиском и доказательством уникальных свойств для ограниченного числа «субъектов», составляющих собой отдельный род сущего; она же берет заранее данный набор наиболее универсальных свойств бытия, приложимых к каждому существующему предмету без исключения, и выясняет, в каком отношении к этим свойствам стоит некий конкретно взятый «субъект».

Таким образом, наука о сущем как таковом Г «Метафизики» оказывается наукой о характеристике любой вещи с точки зрения философской терминологии Аристотеля, наукой о значении наиболее фундаментальных философских понятий; и в целом – наукой-нотацией.

²³ Предположительно, доказательство примет следующий вид: быть тождественным в одном из значений – значит быть одним по числу (Met. I. 3. 1054a 32–34), Сократ и сидящий Сократ – это одно по числу, значит, Сократ тождественен сидящему Сократу.

²⁴ Bell I. Demonstration in Aristotle's "Metaphysics". P. 99–103.

* * *

Подчеркнем, что все сказанное выше относится именно к теории научного знания, как она представлена в Γ «Метафизики». Вопросы о 1) соотношении этого описания первой философии с описанием книг E и A первой философии как теологии и 2) соответствии этой теории реальной практике метафизического исследования «Метафизики» не могут быть освящены в настоящей статье подробно. Кратко можно отметить, что 1) подобное описание метафизики еще раз подтверждает главный вывод Наторпа о несовместимости концепций первой философии Γ , с одной стороны, и E и A , с другой²⁵ 2) Значительная часть «Метафизики», является исследованием, ход которого, по крайней мере, *согласуется* с идеей описанной в Γ науки (речь прежде всего о книге I , где перечисленные в Γ субстанциальные свойства подвергаются необходимому для возможности функционирования науки определению и рассмотрению, но также о книгах Z – Θ , и даже о книге A , хотя она очевидным образом не принадлежит проекту «Метафизики»). В современной исследовательской литературе тезис о том, что реальная практика метафизического исследования Аристотеля находится крайне далеко от той модели доказательной науки, которую он предлагает во «Второй аналитике», является практически общим местом²⁶, и, вполне возможно, это действительно так. Однако это, разумеется, не может считаться аргументом против предложенного прочтения теории науки Γ «Метафизики»: описанную во «Второй аналитике» методологию научного доказательства точно также практически невозможно встретить в корпусе научных сочинений Аристотеля²⁷. Речь в данном случае идет о том, чтобы лучше понять предлагаемый в Γ проект первой философии; это понимание уже может в свою очередь стать основной для дальнейшей оценки корпуса сочинений Аристотеля в целом. В частности, исходя из него интересно исследовать упомянутые книги Z и I «Метафизики», а также центральные главы «Категорий». Впрочем, как уже было отмечено, это выходит за рамки настоящей статьи.

Список литературы

- Орлов Е.В. Философский язык Аристотеля. Новосибирск: СО РАН, 2011. 317 с.
 Akrill J.L. Aristotle's Categories and De interpretation. Oxf.: Clarendon Press, 1963. 170 p.
 Barnes J. Aristotle's theory of demonstration // Phronesis. 1969. No. 2(14). P. 123–152.
 Bell I. Demonstration in Aristotle's "Metaphysics" // Apeiron. 1999. No. 2(32). P. 75–108.
 Berti E. Multiplicity and Unity of Being in Aristotle // Proceedings of the Aristotelian Society. 2001. No. 2(101). P. 185–207.
 Ferejohn M.T. Aristotle on Focal Meaning and the Unity of Science // Phronesis. 1980. No. 2(25). P. 117–128.
 Ferejohn M.T. The origins of Aristotelian science. Yale: Yale University Press, 1991. 192 p.

²⁵ Natop P. Thema und Disposition der Aristotelischen Metaphysik // Philosophische Monatshefte. 1888. Bd. 24. S. 37–65, 540–574.

²⁶ Owen G.E.L. Τιτέναι τὰ φαινόμενα // Aristote et les problèmes de méthode. Louvain; P., 1961. P. 83–103; Ross W.D. Aristotle's Metaphysics. Vol. I. P. 252; Leszl W. Aristotle's Conception of Ontology. Padua, 1975; Irwin T. Aristotle's First Principles. Oxf., 1988.

²⁷ См.: Barnes J. Aristotle's theory of demonstration // Phronesis. 1969. No. 2(14). P. 123–152.

- Hintikka J.* On the ingredients of an aristotelian science // *Nous*. 1972. No. 1(6). P. 55–69.
- Harari O.* Knowledge and demonstration: Aristotle's Posterior Analytics. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2004. 162 p.
- Irwin T.* Aristotle's First Principles. Oxf.: Clarendon Press, 1988. 720 p.
- Lennox J.* Divide and Explain: The Posterior Analytics in Practice // *Philosophical Issues in Aristotle's Biology* / Ed. by A. Gotthelf and J. Lennox. Camb., 1987. P. 90–119.
- Lennox J.G.* Putting Philosophy of Science to the Test: The Case of Aristotle's Biology // *PSA: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association*. 1994. No. 1. P. 239–247.
- Leszl W.* Aristotle's Conception of Ontology. Padua: Antenore, 1975. 558 p.
- McKirahan R.D.* Principles and Proofs: Aristotle's Theory of Demonstrative Science. Princeton: Princeton University Press, 1992. 364 p.
- Natorp P.* Thema und Disposition der Aristotelischen Metaphysik // *Philosophische Monatshefte*. 1888. Bd. 24. S. 37–65, 540–574.
- Owen G.E.L.* Logic and Metaphysics in Some Earlier Works of Aristotle // *Aristotle and Plato in the Mid-Fourth Century* / Ed. by I. During and G.E.L. Owen. Göteborg; Stockholm; Uppsala, 1960. P. 160–190.
- Owen G.E.L.* Τιτέναι τὰ φαινόμενα // *Aristote et les problèmes de méthode* / éd. par S. Mansion. Louvain; P., 1961. P. 83–103.
- Owen G.E.L.* The Platonism of Aristotle // *Articles on Aristotle*. Vol. I / Ed. by J. Barnes, M. Schofield, R. Sorabji. L., 1975. P. 14–34.
- Ross W.D.* Aristotle's Metaphysics. A revised text with introduction and commentary: in 2 vols. Oxf.: Clarendon Press, 1975.

First philosophy as a science: Aristotle's theory of scientific knowledge in *Posterior Analytics* and in *Metaphysics IV*

Artem Iunusov

Postgraduate student of the Department of History of Western Philosophy. Lomonosov Moscow State University. 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: forty-two@mail.ru

The present paper endeavors to compare the general theory of scientific knowledge (ἐπιστήμη) as described in *Posterior Analytics* with the specific theory of science or 'first philosophy' expounded in the fourth book of *Metaphysics*. Both theories are examined not on the ground of any general preconceived hypothesis regarding their relation to one another, but by closely investigating the local characteristics peculiar to either of them. The set of characteristics brought under comparison comprises any special properties both the subject and the attributes under investigation possess, the way they are related to the first principles of science, as well as the general question of whether the science in question is supposed to be demonstrative. As a result, it can be shown that, contrary to the opinion dominating the present-day Aristotelian studies, the project of the first philosophy as it is described in *Metaphysics IV* presupposes the construction of a type of knowledge which, while remaining essentially different from the 'particular' sciences of the *Posterior Analytics*, is still a demonstrative science and has its main goal in giving an account of the demonstrable properties of any existent items in terms of their most general attributes by means of common definitions.

Keywords: Aristotle, ancient philosophy, philosophy of science, Γ of *Metaphysics*, *Posterior Analytics*, demonstration, first philosophy, first principles

References

- Akrill, J.L. *Aristotle's Categories and De interpretation*. Oxford: Clarendon Press, 1963. 170 pp.
- Barnes, J. "Aristotle's theory of demonstration", *Phronesis*, 1969, Vol. 14, No. 2, pp. 123–152.
- Bell, I. "Demonstration in Aristotle's 'Metaphysics'", *Apeiron*, 1999, Vol. 32, No. 2, pp. 75–108.
- Berti, E. "Multiplicity and Unity of Being in Aristotle", *Proceedings of the Aristotelian Society*, 2001, No. 2, pp. 185–207.
- Ferejohn, M.T. "Aristotle on Focal Meaning and the Unity of Science", *Phronesis*, 1980, Vol. 25, No. 2, pp. 117–128.
- Ferejohn, M.T. *The origins of Aristotelian science*. Yale: Yale University Press, 1991. 192 pp.
- Harari, O. *Knowledge and demonstration: Aristotle's Posterior Analytics*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2004. 162 pp.
- Hintikka, J. "On the ingredients of an aristotelian science", *Nous*, 1972, Vol. 6, No. 1, pp. 55–69.
- Irwin, T. *Aristotle's First Principles*. Oxford: Clarendon Press, 1988. 720 pp.
- Lennox, J.G. "Divide and Explain: The Posterior Analytics in Practice", *Philosophical Issues in Aristotle's Biology*, ed. by A. Gotthelf & J.G. Lennox. Cambridge: Cambridge University Press, 1987, pp. 90–119.
- Lennox, J.G. "Putting Philosophy of Science to the Test: The Case of Aristotle's Biology" *PSA: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association*, 1994, Vol. 1, No. 1, pp. 239–247.
- Leszl, W. *Aristotle's Conception of Ontology*. Padua: Antenore, 1975. 558 pp.
- McKirihan, R.D. *Principles and Proofs: Aristotle's Theory of Demonstrative Science*. Princeton: Princeton University Press, 1992. 364 pp.
- Natorp, P. "Thema und Disposition der Aristotelischen Metaphysik", *Philosophische Monatshefte*, 1888, Bd. 24, S. 37–65, 540–574.
- Orlov, E. *Filosofskii yazyk Aristotelya* [Philosophical language of Aristotle]. Novosibirsk: Siberian Branch of Russian Academy of Science Publ., 2011. 317 pp. (In Russian)
- Owen, G.E.L. "Logic and Metaphysics in Some Earlier Works of Aristotle", *Aristotle and Plato in the Mid-Fourth Century*, ed. by I. During & G.E.L. Owen. Göteborg; Stockholm; Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1960, pp. 160–190.
- Owen, G.E.L. "Τιτέναι τὰ φαινόμενα", *Aristote et les problèmes de méthode*, éd. par S. Mansion. Louvain; Paris: Publications Universitaires; Beatrice-Nauwelaerts, 1961, pp. 83–103.
- Owen, G.E.L. "The Platonism of Aristotle", *Articles on Aristotle*, vol. I, ed. by J. Barnes, M. Schofield & R. Sorabji. London: Duckworth, 1975, pp. 14–34.
- Ross, W.D. *Aristotle's Metaphysics. A revised text with introduction and commentary*, 2 vols. Oxford: Clarendon Press, 1975.